

ЛИНГВИСТИКА

КОНФЛИКТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Раздел подготовлен доктором филологических наук, профессором Российского государственного гуманитарного университета, зав. лабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик НИУ ВШЭ М. А. Кронгаузом

DOI 10.37386/2305-4077-2022-1-166-176

И. В. Фуфаева¹

Российский государственный гуманитарный университет

«СТАРИК, ТЫ ГЕНИЙ!». ОБ ОДНОМ ЯЗЫКОВОМ СРЕДСТВЕ ВЫРАЖЕНИЯ ОДОБРЕНИЯ²

Статья посвящена социолингвистическому, прагматическому и этикетному аспектам литературно-разговорного речевого клише «*Старик, ты гений!*», встречающегося в документальных источниках конца XX – начала XXI вв. (мемуары, интервью и пр.). Исследование проводилось на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), электронного корпуса дневников Prozhito.org и сети Интернет. Приводятся результаты количественного и качественного социолингвистического и прагматического анализа контекстов НКРЯ, связанных с оценкой творческих достижений и при этом содержащих а) приятельское обращение *старик* б) клише целиком. Описывается социальная (профессиональная и гендерная) маркированность выбранного объекта.

Ключевые слова: русский язык, социолингвистика, коммуникация, этикет, прагматика, обращение, речевые клише, социолект, гендер, корпусная лингвистика

I. V. Fufaeva

Russian State University for the Humanities

“STARİK, TY GENIY!” (“OLD MAN, YOU ARE A GENIUS!”). ABOUT ONE LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING APPROVAL

The article is devoted to the sociolinguistic, pragmatic and etiquette aspects of the Russian literary and colloquial speech cliché “Old man, you are a genius!” found in documentary sources of the late 20th – early 21st centuries (memoirs, interviews, etc.). The study was carried out on the material of the Russian National Corpus (RNC), the electronic corpus of diaries Prozhito.org and the Internet. The results of a quantitative and qualitative sociolinguistic and pragmatic analysis of the contexts of the RNC, related to the assessment of creative achievements and containing a) the informal address *starik* “old man” and b) the whole cliché, are presented. The social (professional and gender) marking of the selected object is described.

¹ Ирина Владимировна Фуфаева – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Политкорректность в русском языке и русской культуре» № 19-78-10081).

Keywords: Russian language, sociolinguistics, communication, etiquette, pragmatics, appeal, speech clichés, sociolect, gender, corpus linguistics

Введение

Обращения как средство речевого этикета, в отличие от этикетных формул приветствия, прощания и пр., могут употребляться свободно, вне стандартных этикетных ситуаций (встреча, расставание и т. п.), но могут и включаться в этикетные формулы, предназначенные для таких ситуаций, напр., «*Спасибо, любезный!*», а также входить и в другие речевые клише, имеющие разнообразное прагматическое и семантическое содержание.

Такие клише могут приобретать относительную обязательность употребления в определенной ситуации. Примером служит фраза «*Старик, ты гений!*», время от времени приводимая в воспоминаниях в качестве квинтэссенции особой атмосферы щедрой братской похвалы, царившей (обычно в прошлом) в каком-либо творческом сообществе.

- (1) «*В то время мы друг другу давали авансы, называя друг друга гениями. “Старик, ты гений!” – вот что без конца можно было слышать за каждым столиком ресторана «Восточный». Эти эполеты еще долго нас взбадривали и помогали жить*» – вспоминает писатель Валерий Попов атмосферу в среде ленинградского литературного андеграунда 1960-х гг. в документальной книге Анны Коваловой и Льва Лурье “Довлатов” (2009)³.
- (2) «*Леня (поэт Леонид Губанов. – И.Ф.) был восторженный человек. Он говорил весело и приятно для собеседника: «Старик, ты – гений!» В нашем доме читали свои вещи Бродский, Виноградов, Кривулин, Горбовский. Мы решили: нужно создать цех*» – рассказывает московская поэтесса Алена Басилова о возникновении названия “Самого Молодого Объединения Гениев” в 1965 г. в статье “Тяжелое бревно СМОГа” (2008)⁴.

В настоящей статье анализируется социальный (профессиональный и гендерный) аспект формирования и употребления речевого клише «*Старик, ты гений!*», уровень его устойчивости и обязательности в определенной коммуникативной ситуации, то есть возможность его функционирования подобно средству этикета, см. об обязательности как свойстве этикета: «В определенной ситуации говорящий должен произнести определенную формулу. Говорящий не свободен, его речевая свобода ограничена. Условия общения (возраст, статус, пол собеседников, отношения между ними и другое) предопределяют этикетное речевое поведение, прежде всего, выбор этикетных формул» [Кронгауз].

Входящее в клише мужское литературно-разговорное приятельское обращение *старик* (без семантики возраста) возникло, как показало исследование русских обращений с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в начале 20 века, вероятно, под влиянием франц. *mon vieux* и подобных:

- (3) «– *Идем, старик!* – *Идем, старина!* И оба они, здоровые, в цвете сил люди, нежно называющие друг друга «стариками», обнявшись, покинули холм, зата-

³ URL: <https://www.litmir.me/br/?b=213402&p=1>.

⁴ URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/krohin-o-smoge>

нув фальшивыми, но одушевленными голосами” [А.С.Грин. Капитан Дюк // А.С.Грин. Собр. соч. в 6 т. Т. 3., 1915]»⁵.

Судя по данным НКРЯ, обращение *старик* является элементом исключительно мужской коммуникации. Оно не только обращено к мужчине, но и употребляется только адресантом-мужчиной. Подробнее о возникновении обращения см. [Фуфаева, 2020].

Обращение *старик* в языке богемы и ситуация презентации творчества

Специфика функционирования обращения *старик* хорошо иллюстрирует положение В.П.Гольдина об обращении как одном из «главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения, для интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт» [Гольдин, 2009, с. 4] и понимание обращений И.А.Стерниным как языкового средства, которое «выполняет две функции: привлекает внимание собеседника к партнёру по общению и даёт определённую социальную характеристику собеседнику и нашим отношениям с ним» [Стернин, 2003, с. 32].

Динамика употребления исследуемого обращения в текстах, включённых в НКРЯ, демонстрирует его быстрое превращение в неотъемлемую часть группового языка богемы: артистических, художественных, литературных, газетных кругов.

Наиболее раннее отражение этого явления встречается в речи персонажа художественного произведения – пьесы М.А.Булгакова “Адам и Ева” (1931):

- (4) «[Пончик-Непобеда, 35, литератор, муж] *Здорово, старик! Ах, и Ева здесь?»* (адресант – литератор, адресат – журналист).

Но уже в следующем, 1932 году, обращение документально фиксируется в живом языке литераторов:

- (5) «– *Старик, что ты волнуешься? – спросил Тынянов. – Я не могу читать. И действительно не мог: законфузился*» [К.И.Чуковский. Дневник 1922–1935 (1932)] (приведённая реплика писателя Юрия Тынянова обращена к другу – литературоведу, писателю Виктору Шкловскому при представлении последним своей новой книги).

Вышедшим из языка литературной богемы 1920-х гг. считал обращение В.П.Аксенов, см. упоминание об этом в очерке «Старик Собакин» о Валентине Катаеве:

«Съехались молодые гости, выкормыши “Юности”, рекой лилось отменное вино, а подвыпивший хозяин все грозил: “Сейчас, старики, я вам выставлю такое вино, какого никто из вас, плебеев, никогда и не мечтал пить!” Не исключено, что ему мгновениями казалось, будто время отъехало назад и он снова в своей молодой компании двадцатых годов; все эти женьки, сережки, оськи, мишки, от которых и пошло на много литературных поколений вперед словечко “старики” и среди которых он был столь популярен под кличкой “Старик Собакин”» [Аксенов, 2004] (фрагмент описывает события 1967 г.; очерк «Старик Собакин» написан в 1986 г. для Радио Свобода, где работал В.П.Аксенов в эмиграции).

⁵ Здесь и далее цитаты по НКРЯ, если не оговорено иное.

В целом для большинства контекстов в НКРЯ, содержащих обращение *старик*, характерна творческая профессия адресанта: актер, режиссер, музыкант, художник, литератор или журналист. Как правило, эти контексты принадлежат источникам или документальным, или художественным с высокой степенью автобиографичности.

В абсолютном большинстве таких контекстов (как и контекстов с обращением *старик* в целом) это обращение указывает на отношения доверительности, близости между коммуникантами по инициативе хотя бы одного из них, то есть это безусловное средство выражения солидарности в понимании авторов классической теории вежливости Пенелопы Браун и Стивена Левинсона [Brown P., p. 255–257].

В некоторых таких контекстах, как в процитированном выше отрывке из дневника К.И. Чуковского, темой коммуникации является творчество ее участников: представление своего произведения, его оценка (одобрение) или просьба о такой оценке и т.д. В примерах ниже вопросы в основном неявно, но очевидно для адресата побуждают последнего выразить положительную оценку какому-то произведению говорящего:

- (6) «Я сразу увидел Тошку, крутящего веревочку и настойчиво повторяющего: **«Ну как, старик? Ну, что скажешь?»**» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)] («Тошка» – критик, поэт, диссидент-правозащитник А. А. Якобсон; вопрос касается его сонетов).
- (7) «**Не успеv сочинить и напечатать какую-нибудь мелкую статейку, творцы уже бежали друг за другом по этажам: “Ну, как, старик, я написал? Как я впилил?”**» [Сергей Есин. Стоящая в дверях // «Наш современник», 1992].
- (8) «**Арно смотрел на меня из-под кустистых бровей «домиком» и с наивностью гения-подростка объяснял: – Понимаешь, старик, я взял и написал другую мелодию. И она – лучше! Ведь лучше?..**» [Муслим Магомаев. Любовь моя – мелодия (1999)] (автор пересказывает реплику композитора Арно Бабаджаняна; описывается период примерно конца 1960-х – начала 1970-х гг.).

Все эти примеры взяты только из ограниченной выборки контекстов, содержащих обращение *старик*. Их коммуникативное намерение (интенцию) можно интерпретировать как «побуждение собеседника к положительной оценке своего творчества». Разумеется, высказывания с такой интенцией, содержащиеся в НКРЯ, имеются не только в выборке с обращением *старик*, но это обращение оказалось частым элементом контекстов, включающих примеры речи богемы, в этом смысле с выборкой удобно работать. Наличие в этой выборке высказываний с одной и той же и коммуникативной ситуацией и интенцией говорящего позволяет счесть эту интенцию и ситуацию в целом типичными для творческих кругов.

Далее, выбор ответа на вопрос о произведении, исполнении, подразумевающий важность положительной оценки для говорящего представляется эмоционально напряженным моментом коммуникации. Нейтральным ответом в ней является положительная оценка, пусть даже не совсем искренняя, а отрицательная оценка нарушает коммуникацию, может вызвать агрессию автора оцениваемого произведения. Это иллюстрирует еще один аналогичный пример:

- (9) *«И водит меня по своей выставке. – Скажи, старик, что-нибудь, не стесняйся. Сколько помню себя, я всегда уступал его бешеному напору. Мне непривычно высказывать мнение о его поступках. С таким, как он, иметь дело непросто. Быть не согласным – попробуй! Тут же получишь отпор в самой непредсказуемой форме».* [В.В.Голявкин. Ни на что не похоже, или всегда что-то напоминает (1999) // Октябрь, 1992].

Стандартность, повторяемость коммуникативной ситуации и ее эмоциональная напряженность, опасность обиды, агрессии или прекращения отношений действительно могут стать предпосылкой для выработки ответа тоже стандартного и при этом такого, который хочет услышать собеседник, в соответствии с постулатом Такта Дж.Лича, см. [Leech, 1983, p. 24]. Можно предположить, что именно такие ситуации и вопросы, как в примерах 6–9, позволили выработаться устойчивому выражению *“Старик, ты гений!”*. При этом, в соответствии с приведенными воспоминаниями, оно должно было сформироваться уже в 1960-е годы.

Интересно, что в документах, содержащихся в НКРЯ и изданных вплоть до самого конца 20 века, исследуемая фраза отсутствует. Одобрение игры, музыки, литературного произведения, статьи собеседника выражается с помощью разнообразных свободных речевых средств. Само выражение *«ты гений»*, отдельно от обращения *старик*, судя по данным НКРЯ, используется очень широко, в т. ч. в бытовых контекстах, и с богемной средой напрямую не связано.

Ниже примеры выражения «творческого одобрения» из той же выборки контекстов с обращением *старик*, отражающие язык артистической, литературной, газетной и т. п. среды разных периодов 20 века.

- (10) *«Он зашел к Цветухину и трижды облобызая с ним, запустив пальцы в его раскосмаченную шевелюру. – Как сыграл, старик, как сыграл! Поздравляю»* [К.А.Федин. Первые радости (1943–1945)]. Прим.: действие романа происходит в 1910 году; оба коммуниканта – актеры, коммуникация происходит сразу после премьеры спектакля, где оба имели успех; употребление обращения в актерской среде в 1910 г. может быть анахронизмом, отражающим речь театра в более позднее время.
- (11) *«– Неплохо, старик, – сказал он, – но зачем вы стараетесь меня приукрасить?».* [Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982)] (Л.О.Утесов цитирует обращенные к нему слова И.Э.Бабея, т.е. речь идет о 1930-х гг.).
- (12) *«– Это ваши рассказы в журнале? – спросил он. – Да, мои, – ответил я и немного заволновался. – Старик, неплохо!»* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].
- (13) *«И он был первый, кто... ..терпеливо выслушивал антиповское мараканье трехлетней давности – как все начинающие, Антипов страстно пытал приятелей чтением вслух! – что-то в этих вещичках находил, чем-то умилялся и говорил, хлопая Антипова по плечу: “Старик, ты можешь!”»* [Ю.В.Трифонов. Время и место (1980)].
- (14) *«Здесь можно услышать, например, такие речи: – Старик, послушай, ты – гигант! Ты – Паганини фоторепортажа! – А ты, – доносится ответ, – Шекспир экономической передовицы!»* [Сергей Довлатов. Компромисс (1981–1984)] (здесь налицо заинтересованность обоих собеседников во взаимной положительной оценке).

- (15) «Ему ободряюще кивали: **«Все при тебе, старик, и голос, и стиль, и страсть!»** По глазам он видел, что сочувствуют ему как человеку прошлого» [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (1997)] (действие происходит в 1980-е годы в эмиграции в США).
- (16) «Относил тут Гиенчы своих «Головастиков»... – **Гениально, старик!»** [Валерий Попов. Грибники ходят с ножами (1997)] (фрагмент отражает реальность времен перестройки).

Речевое клише «Старик, ты гений!»: результаты анализа

Исследуемая фраза с незначительными вариациями встречается в НКРЯ только в источниках, опубликованных не ранее 1999 и не позднее 2010 года. Сами передаваемые высказывания при этом могут относиться к прошлому.

Присутствие клише в текстах НКРЯ количественно выглядит так: в «канонической» форме «*Старик, ты гений!*» (с тире и без него) – 12 раз, с обращением в конце («*Ты гений, старик!*») – 3 раза, с уменьшительным дериватом («*Старичок, ты гений*») – 1 раз, с добавочным сказуемым («*Старик, ты мастер, гений!*») – 1 раз, итого 17 раз. В 100% случаях использование исследуемого клише связано с принадлежностью собеседников к творческим кругам, к богеме, и выражает восхищение художественным даром адресата, а не просто одобрение. Это важно, так как порознь оба элемента клише не обязательно связаны с творчеством. Обращение *старик* содержится в контекстах, передающих речь людей и других профессий, а выражение одобрения «*Ты гений!*» часто используется в совершенно бытовом смысле. Таким образом, клише в целом имеет уникальную прагматику, не сводимую к прагматике его частей.

Количественные данные, при всей их скромности, подтверждают то, что фраза действительно является устойчивой, т.е. обладает признаками речевого клише. Других повторяющихся и специфических способов выражения положительной оценки творчества среди контекстов с обращением *старик* нет; кроме того, другие приятельские обращения (*чувак, дружище, подруга* и т.д.) вместе с выражением “*ты гений*” в текстах, включенных в НКРЯ, не встречаются. Единжды встречающееся в НКРЯ “*Мать, ты гений!*” (в романе Юрия Трифонова “Предварительные итоги”, 1970) относится к матери говорящего и с творчеством не связано.

Гендерные характеристики исследуемого клише обусловлены гендерной маркированностью самого обращения *старик*. Иными словами, клише сформировалось в мужской коммуникации и использовалось коммуникантами-мужчинами.

Впервые в НКРЯ клише появляется в мемуарах знаменитого певца М.М.Магомаева, изданных в 1999 году, с обращением в конце, и характеризует речь не литераторов, а участников коллектива Большого театра, причем не легендарного прошлого, а «типического настоящего» (начиная с 1970-х гг., так как автор упоминает, что погрузился в жизнь Большого театра после знакомства с будущей женой, певицей Тamarой Синявской в 1972 г.):

- (17) «А это частенько случается за кулисами Большого театра, на этой ярмарке тщеславия, когда с придыханием, лицемерно скажут: ‘Ты – гений, **старик!**’» *Расцелуют, а потом отойдут и... ругнутся*” [Муслим Магомаев. Любовь моя – мелодия (1999)].

Все контексты НКРЯ, включающие исследуемое клише, являются документальными. Это мемуары, статьи (в т. ч. интервью), документальная проза.

Часть контекстов соотносит клише с «легендарным прошлым» (в основном – эпохой оттепели), часть – с настоящим, как в мемуарах М. М. Магомаева. Типичность клише для коммуникации иногда подчеркивается той же глагольной формой будущего времени в значении «типического настоящего»: *«скажут»*. В одних контекстах клише упомянуто как часть коммуникативных актов, участником или очевидцем которых был автор (и таких большинство), в других – как общеизвестный маркер среды и эпохи, чужих для автора.

Большинство контекстов связано с литературной средой, остальные – с театром, кино, изобразительным искусством, газетным миром. Почти все «литературные» контексты, а также единственный «газетный» (о редакционной жизни газеты «Известия») посвящены атмосфере эпохи оттепели, что соответствует приведенным выше фрагментам воспоминаний В. Г. Попова и Е. Н. Басиловой, записанным тоже в 21 веке. Контексты, связанные с театром, кино и изобразительным искусством, в основном передают современную речь, что говорит о неполном совпадении функционирования клише в разных творческих сообществах.

В примере ниже интервьюируемая, вдова поэта Р. Рождественского А. Б. Киреева-Рождественская, приводит клише как элемент общения молодой литературной богемы эпохи оттепели, свидетельницей которого она была:

- (18) *«Роберт перевелся на наш курс с филфака Карельского университета. (...) Атмосфера в Литинституте была удивительная. Студенты в застиранных, вытертых спортивных костюмах, стоя на лестницах, читали свои стихи, то и дело слышали щедрое: “Старик, ты – гений!”»* [Мамедова Майя. МЫ СОВПАЛИ С ТОБОЙ // Труд-7, 2001.11.16].

В двух следующих примерах единица тоже связывается с литературной средой оттепели, но уже как общеизвестный элемент чужого дискурса и эпохи.

- (19) *«Читая биографию мало-мальски известного прозаика, то и дело натыкаешься на Пастернака в гостиной, на дядю, работающего лифтом в издательстве «Недра», на друга юности Арканова в стильном галстуке и с джазовой трубой под мышкой. Литературный институт, гуляющий Политехнический, сигаретный дым, крики «Старик, ты гений!» и книги, книги...»* [Н. В. Якушев. Моя литературная жизнь // «Волга», 2000].
- (20) *«Тогда вообще многие были в восторге друг от друга и шелестело повсюду в творческой среде: “Старик, ты гений! Старик, ты гений!”»* [Ант Скаландис. Главы из книги // «Наука и жизнь», 2008] (в этом фрагменте из биографической книги о братьях Стругацких автор, 1960 г. р., изображает события 1962 г., которых лично не застал).

Поэт Олег Дозморов, 1974 г. р., выросший и писавший в Свердловске, говорит в интервью ниже о клише как о неотъемлемом элементе современной ему провинциальной литературной среды (основываясь на собственном опыте 1990-х гг.):

- (21) *«В провинции всегда много дутых величин. (...) Там тебе на второй-третий день скажут: “Старик, ты гений!”» И ты поверишь, что гений и остановишься»* [коллективный. Разговоры с Андреем Пермяковым: Олег Дозморов – Данила Давыдов // «Волга», 2010].

Наконец, художник Андрей Бильжо и режиссер Тигран Кеосаян относят употребление клише в соответствующих сообществах к настоящему на момент публикации времени, т.е. к первому десятилетию 21 века:

- (22) *«Не люблю, дорогой читатель, свои выставки. Тебя хвалят, поздравляют, говорят: “Ты – гений, старик!”, а потом, уже сильно выпив, в узком кругу выясняется, что по сути ты...»* [Андрей Бильжо, мозговед. Художника каждый может... // Известия, 2006.09.06].
- (23) *«Когда мне начинают говорить: старичок, ты – гений, – мне становится смешно. Для меня гении – это Арам Хачатурян, Людмила Гурченко, Андрей Тарковский, Владимир Высоцкий, для меня гений – мой отец»* [Анна БАЛУЕВА. Тигран Кеосаян: Я воюю с Веркой Сердючкой! // Комсомольская правда, 2007.04.04].

Как видим, тексты очевидцев и участников как разговорного дискурса отделились, так и современных (на момент публикации) разговорных дискурсов, связанных с оценкой творчества внутри профессиональных сообществ, подтверждают наличие в них исследуемого клише. При этом оно интерпретируется по-разному. Часть участников таких дискурсов, авторов документальных источников, в т.ч. Андрей Бильжо, Муслим Магомаев, считают клише проявлением лицемерия, отсутствия действительно положительного эмоционального отношения к творчеству адресата, или, как минимум, проявлением весьма поверхностного одобрения, что, вообще говоря, является аргументом в пользу этикетного характера единицы. Кроме того, указывается на заинтересованность отвечающего в аналогичной положительной оценке говорящего:

- (24) *«Господи, какие слабые вирши я тогда кропал! – Но не успели вы поступить в Литинститут, как ушли оттуда? – Да, ушел. Потому что мне надоели разговоры по принципу: “Старик, ты – гений, я – тоже гений”...»* [Константинова Елена. ГЕННАДИЙ РУСАКОВ: ПОЭЗИЯ – ГОРЧАЙШЕЕ СЧАСТЬЕ // Труд-7, 2003.08.19]

Другие авторы, прежде всего – Василий Аксенов, считают его выражением искреннего восхищения и братских чувств внутри творческого круга. Интересно, что критик Станислав Рассадин посвятил этой интерпретации скептические строки, в которых также постулирует отсутствие искренности, формальность и обязательность единицы: *«Одинокий гений Василий Аксенов, с которым мы когда-то давно крепко дружили, чуть не в каждом своем интервью с нежностью вспоминает, что в среде молодых литераторов-шестидесятников почиталось знаком взаимной симпатии говорить то и дело: «Старик, ты гений!». Совсем отрицать этого не могу, но, надеясь, что память моя не совсем еще ослабела, утверждаю: если и были при мне подобные излияния (что, конечно, случалось – особенно, извините за каламбур, при возлияниях), то не меня одного подобная щедрость бесила. В самом деле... «Ты гений!», повторяемое с тою же обоснованностью, с какой любой даме надобно сообщать, что сегодня она прелестна, означает категорическое неумение понять цену, которой были достигнуты и оплачены высочайшие взлеты духа»* [С.Б.Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004–2008)].

Возможно, в том, что клише стало элементом “оттепельного мифа” и используется в этой чисто литературной функции и теми, кто не является его (клише) носителем, действительно есть заслуга В.П.Аксенова. В числе упомянутых 17 контекстов с обсуждаемым клише в НКРЯ В.П.Аксенову принадлежат два: контекст из последнего романа «Таинственная страсть. Роман о шестидесятиниках» (2007) и контекст из интервью, взятого у него телеведущим Владимиром Молчановым: «...*в период оттепели (...) мне казалось, что тогда все мы радовались успехам друг друга. А самой популярной фразой в нашей среде было: “Старик, ты – гений!”*. Это все друг другу говорили» [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999–2003)].

Очень похоже описывает и атмосферу, и конкретную фразу В.П.Аксенов в других источниках, не вошедших в НКРЯ. Еще в начале эмигрантской жизни – в статье 1986 года «...И НЕ СТАРАЙСЯ! (Заметки о прозаических высокопарностях и журнальных пошлостях)»⁶: «*Ощущая себя участниками какого-то хоть и смутного, но движения, мы очень любили друг друга и – кажется, вполне искренне – желали друг другу успеха. «Старик, ты гений», – такова была самая популярная фраза в застольях. Писатели, художники, киношники, молодые актрисы смотрели друг на друга в некотором ошеломлении – до чего, мол, мы все хороши!*». Позднее – в сборнике воспоминаний о поэте Роберте Рождественском (2002)⁷, в радиопередаче «Действующие лица» (2004)⁸, в интервью журналу «Медведь» (2005)⁹ и других интервью этого времени. Можно сказать, что В.П.Аксенов способствовал популяризации этого элемента группового языка.

В 21 веке клише стало функционировать в качестве единицы уже не разговорной, а книжной и медийной, использоваться в заголовках, ср. статью Ольги Кабановой «Старик, ты гений» в журнале «Арт-хроника»¹⁰ о коллекционере андеграундной живописи 1980х гг. Александре Кронике (2010); коллективную статью о персонах культурной жизни «Старик, ты гений!» в рубрике «Дневник редакции» журнала «Кольга»¹¹ (2012) и пр.

«Миф о клише», таким образом, несколько заслонил разговорную речевую реальность, выявить которую очень трудно в принципе. Среди приведенных примеров единственный пример передачи конкретного, а не типического коммуникативного акта – это запись устных воспоминаний Е.Н.Басиловой, но она сделана спустя несколько десятилетий после того, как эта коммуникация состоялась.

⁶ Журнал «Континент», 1986. №50.

⁷ Роберт Рождественский: удостоверение личности / Сост. К. Рождественская. М.: Эстепона, 2002

⁸ «Действующие лица», Эхо Москвы, 03.12.04, 14.00, ведущие Марина БАГДАСАРЯН и Тимур КИБИРОВ. URL: https://www.cultradio.ru/brand/episode/id/57958/episode_id/1047748/.

⁹ Сергей Тополь. Сага про стилиягу. Василий Аксенов // «Медведь», №91, 2005.

¹⁰ Журнал «Арт-хроника», № 7-8, 2010. URL: http://www.svoykруг.com/Source/press/delo_kronik.pdf

¹¹ Журнал «Кольга», 10 августа, 2012. URL: <https://archives.colta.ru/docs/3961>

И все же запись конкретного коммуникативного акта, сделанную «по горячим следам», удалось найти благодаря электронному корпусу дневников Prozhito.org. Это дневниковая запись жены скульптора Вадима Сидура за 20 марта 1973 года:

(25) «Вчера в подвал заходил Стесин. (...) Он беспрерывно намекал Диме, что хотел бы у него что-нибудь взять, но Дима не поддавался. Дима говорит: «Я знаю, что он жулик, и от меня он ничего не получит». Смотрел Стесин очень восторженно и все время повторял: “**Ты гений, старик! Потрясающе**”»¹².

Таким образом, клише достоверно функционировало уже в начале 1970-х гг. и, вероятно, действительно возникло в эпоху оттепели или, возможно, чуть позднее.

Заключение

Как показывает исследование, выполненное с помощью Национального корпуса русского языка, презентация творческого акта является стандартной для творческих сообществ и при этом эмоционально напряженной коммуникативной ситуацией, сужающей выбор говорящего, поскольку от него требуется только положительная оценка. Это породило многочисленные речевые акты, содержащие такую оценку, и способствовало выработке речевого клише «*Старик, ты гений!*», специфического для языка творческих сообществ, при этом только для их мужской части. Кличе включает мужское приятельское обращение *старик*, характерное для языка представителей творческих профессий (литераторы, журналисты, актеры и пр.) и возникло в эпоху оттепели или несколько позднее. В актерской и художественной среде клише функционировало и во 2 пол. 2000-х гг., то есть, видимо, дольше, чем в литературно-газетной среде. Судя по свидетельствам современников, единица могла употребляться и как искреннее эмоциональное выражение положительной оценки, и как неформальная этикетная формула, обязательная в ситуации презентации творчества, не выражающая действительного мнения говорящего, соответствующая общим правилам игры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов, В. П. Десятилетие клеветы (радиодневник писателя) / В. П. Аксенов. – Москва: Изографус, Эксмо, 2004. – 418 с.

Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы. 2-е изд., испр. и доп. / В. Е. Гольдин. – Москва: URSS, 2009. – 136 с.

Кронгауз, М. А. Речевой этикет: что, зачем и как? – URL: <https://www.coursera.org/learn/rechevoj-etiket/lecture/0oy7k/triechievoi-etiket-что-zachem-i-kak>. (Дата обращения: 10.01.2021).

Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 10.01.2021).

Стернин, И. А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории / И. А. Стернин // Коммуникативное поведение. Вып. 17: Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж: Истоки, 2003. – С. 22–47.

¹² «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2015. 1080 с.

Фуфаева, И. В. История появления в русском языке дружеских обращений *старина* и *старик* / И.В.Фуфаева // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. – № 4. – С. 108–117.

Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P.Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 346 p.

Leech G. Principles of Pragmatics / G.Leech. – London: Longman, 1983. – XIV. – 250 p.

REFERENCES

Aksenov, V. P. Desyatiletie klevety (radiodnevnik pisatelya) / V.P.Aksenov. – Moskva: Izografus, Eksmo, 2004. – 418 s.

Fufaeva, I. V. Istoriya poyavleniya v russkom yazyke druzheskih obrashchenij starina i starik / I.V.Fufaeva // Slovo.ru: baltiyskij akcent. 2020. T. 11.№ 4. – S. 108–117.

Gol'din, V. E. Obrashchenie: teoreticheskie problemy. 2-e izd., ispr. i dop. / V.E.Gol'din. – Moskva: URSS, 2009. – 136 s.

Krongauz, M. A. Rechevoj etiket: chto, zachem i kak? – URL: <https://www.coursera.org/learn/rechevoj-etiket/lecture/0oy7k/riechievoi-etikiet-chno-zachiem-i-kak>. (Data obrashcheniya: 10.01.2021).

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Data obrashcheniya: 10.01.2021).

Sternin, I. A. Problemy opisaniya vezhlivosti kak kommunikativnoj kategorii / I.A.Sternin // Kommunikativnoe povedenie. Vyp. 17: Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya. – Voronezh: Istoki, 2003. – S. 22–47.

Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P.Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 346 p.

Leech, G. Principles of Pragmatics / G.Leech. – London: Longman, 1983. – XIV. – 250 p.